

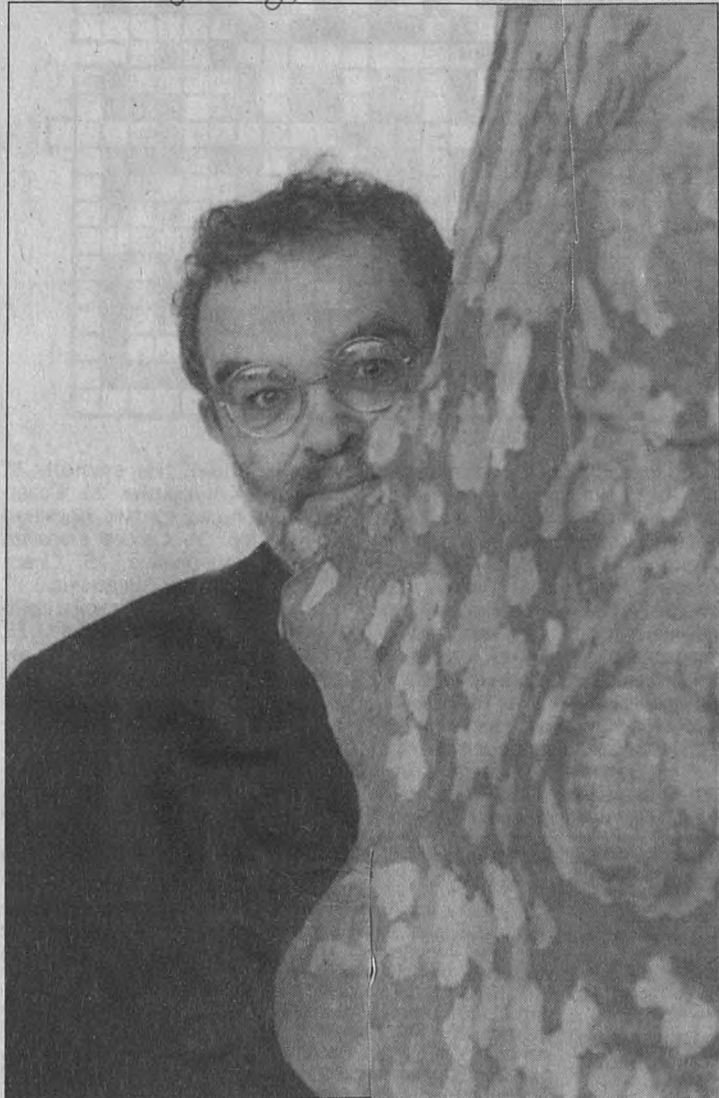
Меня устраивают свобода и равенство

Культура - 2002 - 3-9 окт. - с. 11

“А вы знаете, что у истоков дадаизма стоял Ленин? Нет? Вот как это было. Однажды в начале прошлого века он сидел вечером в парижском кафе. И вот туда зашел Тристан Тцара, еще только начинающий поэт-скандалист. Он был почти голый – в одних прозрачных покрывалах, и начал исполнять танец живота.

Шокированная публика закричала: поп, поп, поп! И только Ленин радостно крикнул по-русски: да, да!.. Это так понравилось Тристану Тцара, что он назвал себя дадаистом. Не верите? Я всего лишь рассказал вам историю, а вы уж думайте, вычитал я ее где-нибудь или придумал, чтобы вас развлечь”, – под общий смех и аплодисменты собравшихся в Тургеневской библиотеке поклонников своего творчества заключил Фернандо Аррабаль.

Шутка вполне в духе Аррабаля – знаменитого испано-французского писателя, драматурга и кинорежиссера, приехавшего в Москву, чтобы встретиться с читателями: в издательстве “Текст” вышел его роман “Красная мадонна” и готовится к выпуску второй – “Необычайный крестовый поход влюбленного кастрата” (оба в переводе Н.Хотинской). Этот невысокий испанец в черном, со знаменитой седеющей бородкой и мягкими голубыми глазами, пользуется в Европе, как в свое время и Тристан Тцара, славой скандалиста, – при этом говорит, что ненавидит скандалы. Впрочем, он яростно утверждает и другое – что он вне политики и политика ничуть его не интересует, а ведь его жизнь связана с политической историей второй половины XX века трагически неразрывными узами. Сын арестованного в годы франкистской диктатуры офицера, он уехал во Францию, там учился, начал свой творческий путь романиста и театрального драматурга, а когда вернулся, сам был арестован, и только открытие письма Франко, подписанное в 1968 году Франсуа Мориак, Сэмюэлем Бек-

Ф. Аррабаль

кетом и Эженом Ионеско, спасло его от расправы. Он – автор огромного количества пьес, семи фильмов, нескольких романов, он один из тех знаменитых основателей театра Па-

на – имена его друзей Александру Ходоровски и Роланда Топора давно стали культовыми для нового поколения современной российской интеллигенции, обожающей “Святую

кровь” Ходоровски и мультипликационную историю маркиза де Сада, снятую Топором. И только Аррабаль по сей день широкой публике практически неизвестен. В советские годы наша критика (то есть немногие счастливицы, имевшие возможность познакомиться с творчеством одного из ярчайших представителей западной культуры последней четверти ушедшего века) высокомерно поругивала его за модернистскую эстетику.

Поистине поразительно, как слова преуспевших в 70-е годы советских искусствоведов перекликаются с уничтожающими определениями, которые выносила в те же самые годы творчеству Аррабаля франкистская цензура! А во Франции, ставшей его второй родиной, писателя называли Гойей в кинематографе и Сальвадором Дали в литературе... Мастер эпатажа, чье творчество всегда вызывало споры. Аполитичный пророк и мудрец (на мой вопрос о его отношении к событиям 11 сентября Аррабаль только рассмеялся: “Ах, вы про это? Давным-давно я написал роман – там в конце в высоченную башню попадает молния...”), и, что ни говори, он – ярчайший политический сатирик, которого ненавидел сам Франко. Страстный поклонник Набокова, Кафки и Джойса, гуманист и философ из той плеяды, к которой принадлежали Ионеско, Беккет и Сартр, Фернандо Аррабаль, как истый человек театра, никогда не совпадает с самим собою. За веселой историей “на публику” следует сложнейший философский монолог. И вдруг – неожиданное признание: “Эти интервью полезнее мне, чем журналистам. Вам может показаться, что я абсолютно уверен во всем, что говорю. Это не так. На самом деле я постоянно во всем сомневаюсь. То, что я говорю, не нужно воспринимать как определения. Я назвал бы это церемонией сомнения, сомнения в своей правоте, которое является, к сожалению, сутью всей моей жизни”.

Итак, первый вопрос Фернандо Аррабаля:

– Вот вы в России. Что вы можете сказать тем, кто двадцать пять лет назад жестко критиковал ваши произведения с позиций советской цензуры?

– Я написал огромное количество пьес для театра, маленьких и больших. Целых двадцать два тома за пятьдесят с лишним лет! Там можно найти пьесы на любой вкус – надо просто их прочесть и выбрать. Кстати, уже мой первый фильм имел большой успех у широкой публики. Это был фильм 1971 года “Да здравствует смерть”, и должен сказать, что его успех был для меня большой неожиданностью, – картина очень трудна для восприятия.

– В истории новейшей российской литературы видное место занимает тема изгнания: Солженицын, Бродский, Аксенов... Вы тоже из “поэтов-изгнанников”. Что общего между вами, писателями, лишенными родной земли, корней?

– Я вынужден был уехать из Испании – ведь Франко запретил мое творчество, мое имя, даже саму мою личность. И мы уехали. Но – в этом что-то загадочное – я часто вижу именно с писателями-эмигрантами из разных стран. Например, с Миланом Кундерой. Я часто встречался с Беккетом, Ионеско, Адамовым. Все четверо – эмигранты. Да ведь и Пикассо тоже был эмигрантом! Кто-то из них принял чужое гражданство. Я его не принял. Но в нас только одно общее – мы чувствуем себя эмигрантами. Мы не французы, не испанцы, не парижане – мы все эмигранты. Нас лишили корней – но у каждого из нас есть ствол.

– Кундера ваш друг?

– Да, можно так сказать. Он написал обо мне три текста. Это было для меня очень важно. Сейчас во Франции успешно продается его новый роман “Незнание” – он написал его по-французски.

– Александр Ходоровски, Ро-

ланд Топор – о ваших друзьях по “паническому театру” российский зритель имеет представление, скажу даже, что знатоки и поклонники кино очень полюбили их произведения. Как был основан этот знаменитый театр Пана?

– О, это история начала шестидесятых. В ней мне видится что-то таинственное, необычное: авангард оказался так же готов принять меня, как и я готов был принять в себя авангард. С 1960 по 1963 год я состоял в группе сюрреалистов Андре Бретона. Там же были и Топор, и Ходоровски. Мы все втроем были очень “панические”, вели себя “панически” Дело в том, что сюрреалисты запрещали дискуссии. У них не принято было спорить, обсуждать. Вообще я потом понял, что в сюрреализме есть много большевистского: они любят прямые линии, не признают полутон. А мы приехали из стран, где так или иначе были диктаторские режимы. И вот мы основали эту группу “панического театра” – своего рода бунт против догм большевизма, Ватикана... Группа “панического театра” очень интересовалась наукой – например жизнью муравьев, пластикой металла, философией, новыми открытиями. В 1963 году мы ушли от сюрреалистов. Но – удивительное дело! – Октавио Пас незадолго до смерти сказал мне: “Именно эти три года были вашей настоящей школой мастерства”.

– Герой вашего первого фильма “Да здравствует смерть” ищет исчезнувшего отца. Ни одна ваша биография, даже почти ни одна статья о вас не обходится без упоминания о вашем отце. Скажите несколько слов об этой истории, оказавшей на вас такое влияние...

– Мой отец был арестован и приговорен к расстрелу в первый же день Гражданской войны. Много лет спустя я пытался найти его следы и для этого приезжал сюда, в Москву, встретиться с Пассионарий в надежде найти имя отца в списках расстрелянных по приказу Франко.

Но она не смогла мне помочь отыскать его следы, я так и не знаю ничего о его судьбе. Могу только фантазировать...

– В одном из интервью вы рассуждаете об уходящей “эпохе титанов”, имея в виду политиков XX столетия. Вот “титаны” ушли. Каким вам видится будущее?

– Литература должна отвечать на те вопросы, которые прямо и четко ставит перед ней истина. Это впервые сказал еще Аристотель. Истина открывается в момент экзальтации, озарения. Есть даже такой философский термин – “иллюминация” (внезапное озарение, открытие истины). А вот Ницше предложил другую теорию: искусство – это маска, под которой необходимо спрятать истину. То есть истина столь страшна, что ее необходимо скрывать под маской изящного. Те, кого я называю титанами, – Сталин, Франко, Муссолини, – эти ужасные гиганты-диктаторы, придя к власти, хотели делать добро. Но в определенном смысле они оказались учениками Ницше. Мне же представляется, что в наши дни, когда происходит определенный ренессанс культуры и литературы, можно наблюдать отход от этой теории Ницше. А значит, культура вновь становится орудием “иллюминации”, внезапного интуитивного озарения, в котором открывается истина.

– Что вы думаете о чрезвычайно распространенной точке зрения, будто влияние литературы на общество сильно ослабело, если не свелось к нулю?

– Да, я знаю об этой точке зрения. И вправду – возьмите, например, последний номер самого влиятельного еженедельника во всем мире – нью-йоркского “Тайм”: вопросам культуры там отведены только две странички. Тридцать лет назад никто не мог подумать, что ведущие периодические издания мира будут уделять искусству так мало места: тогда в журнале “Экспресс”, где я сотрудничал по сей день, работали целых два те-

атральных критика! (Фернандо Аррабаль – большой любитель шахмат, в “Экспрессе” он пишет не о театре и не о литературе, а анализирует шахматные задачи). Но культура не нуждается в журнале “Тайм”. Да, сейчас мы переживаем момент, когда искусство словно бы оказалось в каком-то вакууме. Оно не занимает видного места на полосах ведущих печатных изданий, но оно на пути к тому, чтобы изменить мир.

– У нас можно услышать и такую точку зрения: отсутствие свободы стимулирует художника к творчеству, к изобретению. Что вы думаете об этом?

– Безусловно, нет.

– Является ли свобода абсолютной ценностью для человечества?

– Французская революция была рождена двумя ценностями – Свободой и Равенством. Братства не было до тех пор, пока “гигант мысли” Робеспьер не заявил, что свободы и равенства недостаточно и надо создать нечто вроде религии – только поклоняться нужно не тому Богу, который был у человечества до сих пор, а богине Разума. И это объединит всех. Так было создано триединство: свобода, равенство, братство. Меня устраивают свобода и равенство. В той тайной лотерее, какой является жизнь, такие люди, как я, оказались в привилегированном положении. Свобода и равенство – это прекрасно. А вот братство – совсем другое дело. Понятие братства угрожает понятию свободы. Оно возвращает нас к истокам дадаизма, мыслям Сократа, рассуждениям Августина и теориям Ленина. Это их философией было братство. Но если бы оно могло реально существовать – не понадобилось бы придумывать ГУЛАГ.

Беседу вел
Дмитрий САВОСИН

По сообщениям корреспондентов
“Культуры” и ИТАР-ТАСС